

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ



Г.А. ПРИМАЧЁНОК

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Доминирующим процессом на стадии перехода к информационному обществу кроме наметившейся тенденции к расширению сферы реализации социальных институтов является также процесс имплантации в механизм традиционных рынков сегмента рынка интеллектуальной собственности. Эволюция современных экономик в условиях интервенции рынка интеллектуальной собственности характеризуется недостаточной синхронностью взаимодействия институтов. Структурная трансформация экономики под действием разворачивания рынка интеллектуальной собственности осуществляется вширь (количественные параметры развития) и вглубь (качественные институциональные изменения).

Под структурным развитием экономики вширь понимается такое развитие сферы информационных технологий и информационных услуг, которое привело к расширению предметной области экономической теории и, в частности, изменило представление экономистов о классификации факторов производства. Включение в экономический анализ информационного ресурса и новых технологий связано с тем, что эти компоненты стали решающими в определении динамики экономического роста ведущих стран мира. По оценкам экономистов, вклад информационных технологий в рост ВВП развитых стран в середине 2000-х гг. составлял 20–40 %, при этом информационные технологии определяют до 70–80 % в положительной динамике совокупной факторной производительности (1, 91). Кроме того, 80 % рабочих мест в Европе и США относятся к секторам новой экономики, включающим как производство научных знаний и их последующую коммерциализацию, так и технологии и программные продукты.

Макроэкономический эффект использования информационных технологий дополняется микроэкономическим. На микроуровне положительный эффект от развития факторов производства вширь основан на развитии внутренней среды предприятия, а также на формировании единого информационного пространства за рамками организаций (предприятий). С помощью информа-

Галина Анатольевна ПРИМАЧЁНОК, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Белорусского государственного экономического университета.

ционных технологий производители товаров и услуг реализуют сложные производственные задачи, унифицируют и упрощают не только экономическую и бухгалтерскую отчетность, но и осуществляют функции контроля и несут ответственность в ходе производственной деятельности. Микроэкономический положительный эффект унификации допроизводственной, производственной и постпроизводственной стадий на основе их информатизации нашел отражение в тенденции сокращения на всех уровнях трансформационных и транзакционных затрат. Микроэкономический эффект от упрощения схем (векторных контуров) экономических взаимодействий способствует проявлению макроэкономического эффекта на основе способности информационных благ к мгновенному, с точки зрения течения социального времени, распространению. Так, выигрыш потребителей от внедрения компьютеров, по некоторым оценкам, например в США в 2007 г., составил 2–4 % от всей суммы потребительских расходов (1, 92).

Под развитием экономики вглубь понимаются такие существенные качественные преобразования, которые постепенно приводят к изменению свойств экономических отношений, а также их структуры. Определим некоторые из качественных изменений.

Во-первых, традиционная структура экономической системы достаточно долгий исторический период характеризовалась совокупностью отношений производства, распределения, обмена и потребления. Именно эти группы экономических отношений обособились в ходе эволюции рынка материальных благ и услуг. Возникновение рынка информационных благ и услуг продемонстрировало возможности экономической системы к переструктурированию экономических отношений, которые локально на этом рынке преобразуются в отношения производства, распространения и использования. Роль отношений распределения на обособившемся рынке снижается до социально значимого минимума, изменяются и формы обмена, основанные на свойствах информационных благ (к ним также относятся компьютеры, Интернет, средства связи, носители информации, электроника и технические устройства) и электронной коммерции.

Во-вторых, на основе всеобщей информатизации существенно трансформировалось ценообразование на многих рынках. Среди ряда изменений можно указать следующие: высокий удельный вес в постоянных издержках невозвратных издержек; существенная разница между издержками первого экземпляра и остальными экземплярами продукта; долгосрочная экономия от масштаба производства и краткосрочная экономия от объема выпуска; высокий удельный вес интернет-рынка, покрывающего многие отрасли, и на котором проявляются сетевые эффекты, основанные на принципах «ценность сети зависит от ее размера» и «рост емкости рынка базируется на существенных издержках переключения» (издержки перехода потребителей на использование других продуктов) [2, 19]. Следствием экстраполяции интеллектуальной деятельности и результатов интеллектуальной собственности явилось глобальное распространение сетевых эффектов на рыночное ценообразование. Так, для растущего числа потребителей существенно возрастает ценность благ, изготовление которых практически ничего не стоит производителю, а также переход на продажу товаров наборами и так называемые связанные продажи. Отличительной чертой сетевых отраслей является суммарный комбинированный эффект от масштаба проявления двух тенденций — со стороны спроса и со стороны предложения. Возрастающая отдача от масштаба производства, как на стороне спроса, так и на стороне предложения, уже возникала ранее, но их комбинация, сложившаяся в отраслях информационных технологий, — явление новое. Рост спроса одновременно способствует сокращению издержек на стороне предложения и делает продукт более привлекательным для потенциальных потребителей [3, 75].

Для проведения качественных институциональных преобразований важным является осознание того, что по гносеологической природе вышеназванные сетевые эффекты не являются внутренними для сектора информационных благ и технологий. Они, напротив, — внешние и постепенно продвигаются во все отрасли экономики на основе процесса социальной диффузии. Распространение и проявление на традиционных рынках новых системных свойств информационных благ и обособляемых в процессе их воспроизводства типов взаимодействий остро ставит проблему идентификации обновляемых элементарных типов связей между экономическими субъектами. Именно в этих условиях важен тот синергетический суммарный эффект, который проявляется в ходе функционирования традиционных и новых отраслей экономики на макроуровне и при индивидуальных и коллективных взаимодействиях экономических субъектов (потребителей и производителей) на микроуровне.

Экономический эффект, который проявляется как на макро-, так и на микроуровне вследствие социальной «прикрепленности»* между субъектами по поводу объектов в форме первичных и вторичных мультиплицирующихся разнонаправленных связей и различных их комбинаций, можно определить как институциональный эффект принадлежности. Для экономической системы важен не только результативный знак этого эффекта, но и социальный спектр распространения взаимодействий.

Институциональный эффект принадлежности основывается на согласованном действии передаточного механизма между экономическими и правовыми институтами. Однако в экономической теории не сложилась еще единая точка зрения не только по поводу механизма перехода экономических отношений в правовые, но и по поводу отличий содержания экономических и правовых институтов. Во-первых, иерархия экономических институтов выстраивается в экономической науке на основе сложившихся уровней реализации институтов в правовой системе. Во-вторых, на основе принципа экстраполяции основным содержанием экономических институтов считается совокупность определенных норм. Другими словами, неявно признается, что внутренняя структура правовых институтов имеет дополнительную экономическую форму проявления.

Выявление институционального эффекта принадлежности (собственности) основывается на признании нами определяющей роли интеллектуальной собственности не только в расширении емкости рынков информационных благ и технологий, а также в проявлении согласованности на всех уровнях реализации отношений принадлежности. Именно развитый рынок интеллектуальной собственности гарантирует возможности для субъектов в осуществлении взаимовыгодного обмена (транзакции) всех форм информации, знаний и технологий, а также способствует преобразованию их в интеллектуальный капитал для собственников.

Уровнями правового регулирования отношений по поводу использования, управления, хранения, владения, отчуждения, охраны и контроля интеллектуальной собственности в национальной экономике являются: а) конституционный (Конституция Республики Беларусь); б) отраслевой (гражданское, административное, уголовное, трудовое законодательство); в) нормативные акты различного уровня, принятые органами государственной власти и управления; г) международный (конвенции, декларации). Остановимся на некоторых аспектах согласованности национального института интеллектуальной собственности и института собственности, так как именно от реализации этих институтов зави-

*Термин «прикрепленность» впервые введен представителем экономики соглашений Л. Тевено для объяснения произошедших изменений во взаимодействиях между субъектами, выражающихся в социальном усилении или ослаблении способностей человека и ведущих к асимметрии позиций. Одной из основных форм «прикрепленности» можно рассматривать отношения собственности, изменяющие социальный статус субъектов.

сит институциональный эффект принадлежности, формирующий прочность и устойчивость всей структуры социально-правовых взаимодействий. В ст. 51 Конституции Республики Беларусь закреплено положение: интеллектуальная собственность охраняется законом, а также обеспечивается свобода художественного, научного, технического творчества и содействие развитию культуры, научных и технических исследований на благо общих интересов [4].

В гражданском законодательстве реализуется конституционное положение об охране интеллектуальной собственности путем определения правового положения участников гражданского оборота, порядок осуществления права собственности на результаты интеллектуальной собственности, другие, связанные с ними имущественные и обусловленные этими правами личные неимущественные отношения. Однако определение понятия «интеллектуальная собственность» в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее — ГК) не содержится. Определение собственности не содержится и в разделе о праве собственности и других вещных правах действующего ГК. Определенную информацию об этом понятии можно получить из названия раздела 5 ГК Беларуси, в котором в качестве синонима указывается: исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. Следовательно, по аналогии можно констатировать, что собственность является исключительным правом на результаты материальной деятельности.

Пробел на уровне отраслевого регулирования отношений собственности признавался отечественными юристами достаточно давно. Так, Г. Ф. Шершеневич писал, что до сих пор в науке не установлено точное понятие о праве собственности. По наиболее распространенному определению, совпадающему с житейским представлением о праве собственности, последнее составляет неограниченное и исключительное господство лица над вещью... Средством удовлетворения интересов человека могут служить не только вещи, но и собственные действия, когда они имеют какое-нибудь экономическое содержание... Если, однако, каждый может воспроизвести более или менее точно действия лиц: срисовать картину, перепечатать книгу, изобразить клеймо, то все эти действия утратят экономическое значение для лиц, которые их совершают [5, 165 — 166, 254, 256]. Поэтому общим свойством вещных прав и прав интеллектуальной собственности признается их экономическая значимость, а ее проявление основывается на действиях людей.

Авторами комментария ГК даются два определения интеллектуальной собственности в объективном и субъективном смысле. «Одна из проблем гражданского права — поиск критерия существенности. Объективным критерием признаются существенные моменты по воззрениям данной среды, оборота, так как право должно обращаться не к формальной стороне (форме договора), а к подлинной воле, сущности юридического акта. Под субъективным в гражданском праве понималось то, что важно для конкретного субъекта» [6, 128]. Однако в объективном смысле под интеллектуальной собственностью понимается совокупность норм, которыми регулируются отношения, связанные с созданием и использованием результатов интеллектуальной творческой деятельности и средств индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ, услуг. В субъективном смысле — это совокупность правомочий как личного, так и имущественного характера, принадлежащих авторам произведений науки, литературы и искусства, исполнителям, производителям фонограмм и организациям вещания, патентовладельцам или лицам, осуществляющим регистрацию средств индивидуализации, или иным правопреемникам [7]. Приведенные определения интеллектуальной собственности можно охарактеризовать как описательные с открытым перечнем. Но они указывают на существенное свойство интеллектуальной собственности — системное расширение субъектов, вовлекаемых в отношения обмена правами собственности (сетевой эффект, в соответствии с которым традиционный обмен или сделка трансформируются в

транзакцию, более широкое с точки зрения круга заинтересованных лиц социальное взаимодействие).

В исторических источниках возникновение института интеллектуальной собственности основывалось на институте собственности на материально-вещественные объекты. «Не только в правовых системах примитивных народов, но даже еще в праве римском духовная деятельность подобного рода не давала никаких субъективных прав на ее продукты их авторам и не пользовалась никакой правовой защитой...<...> Например, поэма, написанная на чужом писчем материале, или картина, нарисованная на чужой доске, принадлежали не поэту или художнику, а собственнику писчего материала или доски...<...> Прежде всего получает признание имущественная сторона этих прав. Так, право литературной собственности впервые появилось не в виде права автора, а в виде права издателя произведения (привилегий, запрещавших перепечатку)» [6, 132–133]. Следовательно, возникновение и закрепление авторского права долгое время не меняло представление о структуре отношений собственности, поскольку это право рассматривалось как источник материальных благ.

До принятия закона 20 марта 1911 г. авторское право в России трактовалось как разновидность абсолютного права, право собственности особого рода. Такая конструкция была неправомерна, поскольку авторское право многими юристами признавалось как более емкое понятие по сравнению с правом собственности, ведь оно включает и личное право [8, 276]. Перечень объектов прав интеллектуальной собственности законодательно закреплен в ст. 980 ГК, и именно он лежит в основе содержания интеллектуальной собственности. Но с развитием отраслей информационных технологий не представляется возможным провести различие по объекту, так как многие материальные носители интеллектуальной собственности также являются продуктами интеллектуальной деятельности.

В действующем гражданском законодательстве признается укрупненная классификация интеллектуальной собственности: а) авторское право и смежные права, б) право промышленной собственности. Специфические отличительные особенности исключительных прав интеллектуальной собственности выделяются именно в связи с ее объектами. Например, авторское право распространяется на произведения, существующие в объективной форме (письменной, устной, звуко- или видеозаписи, изображения, объемно-пространственной и др.). Смежные права распространяются на исполнения, постановки, фонограммы, передачи организаций эфирного и кабельного вещания. В отличие от авторских и смежных прав права промышленной интеллектуальной собственности более детализированы. Для каждого вида объектов установлены сроки действия, правовой режим и способ охраны. Важным для установления сущности интеллектуальной собственности является разграничение имущественных прав автора и личных авторских прав. Так, личные авторские права неотчуждаемы, непередаваемы и действуют бессрочно.

Проявлению в полном объеме вышеназванных свойств прав интеллектуальной собственности в экономической системе должны способствовать способы защиты исключительных прав. Однако в ст. 989 действующего ГК конкретно указаны только два способа защиты исключительных прав [9]. В одном случае допускается изъятие материальных объектов, с помощью которых нарушены права, и созданных в результате нарушения материальных объектов, во втором — обязательная публикация о допущенном нарушении с указанием кому принадлежит нарушенное право интеллектуальной собственности. Во всех остальных случаях интеллектуальная собственность защищается в таком же порядке, как и вещные права (ст. 11 ГК).

Гражданско-правовой сегмент отраслевого уровня реализации институционального эффекта принадлежности дополняется отраслевыми сегментами защиты интеллектуальной собственности на основе действующего административного и уголовного законодательства. Согласно статьям 10.1–10.9 Кодекса Республики

Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП), ответственность наступает за нарушения прав государственной собственности и иных вещных прав [10]. Однако проявление сетевого эффекта означает, что кроме первичных прав интеллектуальной собственности возникают производные, которые обладают свойствами информационных благ и характеризуются мгновенным, по сравнению с другими объектами, распространением в экономической системе. Так, с 2000 г. в Республике Беларусь вступил в действие закон «Об электронном документе», но не было создано правовое поле по возникновению, защите и идентификации прав на объекты в электронно-цифровой форме. Например, помимо средств индивидуализации участников гражданского оборота товаров, работ, услуг существует разветвленная пространственная персонафицированная система доменных имен в сети Интернет. Однако до настоящего времени отсутствует законодательство, регулирующее отношения, объектом которых выступают доменные имена [11, 69]. Такое возможное «размножение» субъекта происходит посредством мультиплицирования вторичных и т. д. производных интеллектуальных форм идентификации, поднимает проблему изменения подхода к субъектам правоотношений.

В диспозиции ст. 9.21 КоАП посягательства на интеллектуальную собственность обозначены следующим образом: незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности, а также сорта растения или топологии интегральной микросхемы влекут наложение штрафа. Из этого положения следует, что объекты охраны и защиты интеллектуальной собственности представлены неполно, из всех объектов промышленной собственности выделены только два (топология интегральных микросхем и права на новые сорта растений). В названии ст. 9.21 содержится понятие «патентные права», но в ее диспозиции они не упоминаются. Следовательно, возникает дуализм в защите прав интеллектуальной собственности. Не уточнены в законодательстве следующие важные моменты: в каких случаях к нарушителям авторских и смежных прав, прав промышленной собственности применяются административно-правовые санкции; не проведено отграничение нарушений этих прав от гражданско-правовых деликтов и от преступлений, перечисленных в Уголовном кодексе.

Глава 9 КоАП включает ст. 9.21 «Административные правонарушения против здоровья, чести и достоинства человека, прав и свобод гражданина», регулиющую охрану интеллектуальной собственности, а гл. 10 «Административные правонарушения против собственности» детализирует охрану имущественных прав. В гл. 11 КоАП «Административные правонарушения в области финансов, рынка, ценных бумаг и банковской деятельности» представлена ст. 11.26 «Незаконное использование деловой репутации конкурента», в которой предусмотрена ответственность за умышленное использование индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица товарного знака, фирменного наименования, географического указания конкурента, либо продажа или предложение к продаже товара (услуги) с применением предупредительной маркировки о товарном знаке (знаке обслуживания), не зарегистрированном в Реестре Республики Беларусь, либо копирование промышленных образцов конкурента, влекущее смешение продукции (товаров, работ, услуг) или деятельности с продукцией или деятельностью конкурента.

В структуре действующего ГК имеется отдельная глава «Способы индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг», в которой трактуются понятия «фирменное наименование», «товарный знак (знак обслуживания)», наименование места происхождения товара, их использование, сроки действия и правовой охраны. Отдельно представлен характер недобросовестной конкуренции и указаны меры ответственности за осуществление этого деяния. Следовательно, нечеткость содержания ст. 11.26 КоАП позволяет рассматривать ее как бланкетную, отсылающую к статьям 1013—1030 ГК. Предложенный законодателем способ регулирования приво-

дит к «размыванию» контура регулируемых прав собственности и к нарушению субординации между КоАП и ГК.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК) ответственность за преступления против интеллектуальной собственности регулируется ст. 201 «Нарушение авторских, смежных, изобретательских и патентных прав» и ст. 248 «Незаконное использование деловой репутации конкурента». При этом в диспозиции ст. 201 предусматривается ответственность за некоторые общественно опасные деяния против интеллектуальной собственности впервые совершенные, а также за некоторые, совершенные повторно в срок до истечения года после наложения административного взыскания за такое же нарушение, либо если нарушение было сопряжено с получением дохода в крупном размере. Так, присвоение авторства либо принуждение к соавторству, а равно разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца или иного объекта права промышленной собственности до официальной публикации сведений о них образуют состав преступления [12]. Следовательно, уничтожение, повреждение, завладение объектами интеллектуальной собственности, изготовленными в единственном экземпляре на материальных носителях, не образуют данного состава преступления.

Вышеназванные действия образуют иной состав преступления — преступление против собственности (умышленное уничтожение или повреждение имущества, уничтожение либо повреждение имущества по неосторожности, носителей интеллектуальной собственности). Однако в условиях правового непризнания значимости информации, содержащейся на материальном носителе, стоимость самого материального носителя можно признать ничтожной. Поэтому такие деяния не являются преступлением в силу малозначительности (ч. 4 ст. 11 УК). Проблемой для собственника становится и похищение таких уникальных носителей интеллектуальной собственности путем кражи.

Приведенные несогласования норм отраслевых сегментов права влияют на результат институционального эффекта принадлежности. Несовершенство передаточного механизма, трансформирующего возникающие права в экономические отношения «прикрепленности», не способствует должному распространению, применению и использованию результатов интеллектуальной собственности. Так, в ч. 2 ст. 201 УК предусмотрена ответственность за незаконное распространение или использование объектов авторского права, смежных прав или объектов промышленной собственности, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение или сопряженные с получением дохода в крупном размере. Крупным размером дохода (ущерба) признается размер дохода (ущерба) на сумму, в 500 и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления. Крупный размер ущерба в отношении материальной собственности, установленный в этом же кодексе, составляет сумму в 250 и более раз превышающую размер базовой величины. Но крупный размер ущерба в отношении материальной собственности предусмотрен в качестве признака квалифицированного состава, а в отношении интеллектуальной собственности — в качестве простого состава преступления. В соответствии с квалификацией рассматриваемых преступлений предусмотрены и санкции. Например, за незаконное использование объекта интеллектуальной собственности, повлекшее крупный размер ущерба, максимально возможный срок лишения свободы установлен законодателем до двух лет, а незаконное использование транспортного средства без причинения ущерба — до пяти лет лишения свободы. Более строгое наказание предусмотрено за преступления, перечисленные в ч. 1 и ч. 2 ст. 201 УК, если эти преступления совершены повторно, либо группой лиц по предварительному сговору, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, либо повлекшее причинение ущерба в крупном размере. Но и за вышеперечисленные преступления против интеллектуальной соб-

ственности санкция в два раза ниже аналогичных преступных посягательств на объекты материальной собственности.

Итак, рассмотренные социально-правовые нормы способствуют производству объектов интеллектуальной собственности, но не способствуют их достаточно широкому распространению, что снижает результат институционального эффекта принадлежности и не способствует преобразованию традиционного акта обмена (купли-продажи) в транзакцию по множественному обмену прав на результаты интеллектуальной деятельности. Более того, до настоящего времени определение интеллектуальной собственности сводится к классификации объектов авторского права и промышленной собственности [13, 795, 797, 843] с возможными дополнениями в случае возникновения и производства в экономической системе новых объектов.

Предлагается следующее определение интеллектуальной собственности, которое учитывает новые способности субъектов в информационном обществе и емкое универсальное понятие объекта интеллектуальной собственности. *Интеллектуальная собственность* — это исключительные права на результаты физической и интеллектуальной (психической) деятельности человека, материализованные на объективных носителях окружающего мира, а также персонифицированные имена субъекта и средства идентификации объектов этой собственности. Субъекты интеллектуальной собственности реализуются как агенты социального деяния (действия). В отличие от субъектов имущественных прав субъектов интеллектуальной собственности можно рассматривать как основной источник мультиплицированного «размножения» персонифицированных квазисубъектов, расширяющий границы экономического обмена и трансформирующий его в транзакцию.

Таким образом, наблюдаемая революционная ломка традиционной воспроизводственной структуры экономики вызвана расширением сферы реализации информационных услуг и новых технологий. Социальная диффузия своей информации на материальных рынках товаров и услуг означает, что возникли объективные экономические условия для развития института интеллектуальной собственности. По этой причине универсальный социальный контур института интеллектуальной собственности шире чем реальный, реализующийся на основе действующих норм права. Прежде всего требуют модернизации отраслевые сегменты регулирования в направлении устранения рассогласования передаточного механизма, способствующего увеличению макроэкономического институционального эффекта принадлежности.

Литература

1. Розанова, Н. Конкурентные взаимодействия в отрасли информационных технологий: мировой опыт и Россия / Н. Розанова // *Вопр. экономики*. — 2009. — □ 6.
2. Антипина, О.Н. Теоретические основы ценообразования на рынках информационных благ и технологий / О.Н. Антипина // *Вопр. новой экономики*. — 2009. — □ 4.
3. Антипина, О.Н. Сетевые отрасли информационной экономики: характерные особенности, отражение в теории и подходы к ценообразованию / О.Н. Антипина // *Журн. экон. теории*. — 2009. — □ 3.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // *Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь*. — 2008. — □ 1. — 1 /0.
5. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г.Ф. Шершеневич; вступ. ст. Е.А. Суханова. — М.: СПАРК, 1995.
6. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. — М.: Статут, 1998.
7. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь с приложениями актов законодательства и судебной практики (постатейный): в 3 кн. / отв. ред. В.Ф. Чигир. — Минск: Амалфея, 2006. — Кн. 3. Разд. 4—8.
8. Синайский, В.И. Русское гражданское право / В.И. Синайский. — М.: Статут, 2002.
9. Гражданский кодекс Республики Беларусь. — 3-е изд., с изм. и доп. // *Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь*. — Минск, 2007.

□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.
 □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.